

Ольга Великанова

КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ В 1920-Е ГГ. И ФОРМИРОВАНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ДИСКУРС¹

Новые архивные свидетельства о существовании в 1920-е гг. массового стихийного движения в советском крестьянстве за создание Крестьянского союза по типу партии или профсоюза для защиты своих интересов позволяют переосмыслить некоторые устоявшиеся в историографии положения о российском крестьянстве в целом.

Научное сообщество историков России едино во мнении, что, хотя признаки культурной трансформации в направлении модерна имели место в советской деревне, она всё же оставалась в основном традиционной и консервативной. Эта статья представляет свидетельства современных процессов в крестьянстве, выразившихся в новом политическом поведении, основанном на новой идентичности, поведении спонтанном и свободном от патронажа со стороны кого бы то ни было. Если общество модерна (индустриальной современности) характеризуется среди прочего «стремлением к массовой мобилизации, массовом участии в политике, сплочением общества как целого»² во имя некоей значимой цели, то мы без труда различим ростки модерна в трех элементах движения за Крестьянский союз (далее — КС): политическом, экономическом и дискурсивном. КС как массовое *политическое* движение, основанное на идее представительства, гражданских прав и апеллирующее к принципу народовластия, принадлежало к современности, отмеченной «новым типом политики». *Экономическая* траектория КС позволяет говорить о нем как об ориентированной на рынок оппозиции коммунальным, уравнивательным принципам советского социализма. На *дискурсивном* уровне КС воплотил нарождающееся чувство своей самоценности в классе, в котором самосознание традиционно отрицалось.

Посвящая эту статью современному дискурсу, набирающему силу в крестьянстве, я отнюдь не отрицаю существования множества тем и явлений в советской деревне,

¹ Это исследование выполнено при поддержке фонда The Social Science and Humanities Research Council of Canada и Университета Торонто, Канада. Я выражаю мою глубокую признательность Линн Виола за ее профессиональную помощь в моей работе. Советы Виктора Петровича Данилова были очень важны на начальном этапе работы, так же как обсуждение этой темы на конференции American Association for Advancement of Slavic Studies в 2004 г.

² *Kotsonis Y.* Introduction: a Modern Paradox // Subject and Citizen in Nineteenth — Twentieth-Century Russia // Russian Modernity. Politics, Knowledge, Practices / Ed. by David L. Hoffmann and Yanni Kotsonis. St. Martins Press, 2000. P. 5.

относящихся к традиционному, предмодерному обществу, таких как спонтанное возрождение крестьянской общины в ходе земельного передела 1917 г.; тенденция к силовым решениям при недостатке правового сознания; мифологическое мышление, когда на место репрессированного православия приходит не секуляризация жизни, но язычество, сектанство, предрассудки («обновление» икон в 1924 г.), апокалипсизм и гражданские культы (Ленина, например). Такая *архаизация* — отступление к архетипам и первоосновам — была проявлением по сути доисторической архитектуры деревни, обнаженной в хаосе катастроф, когда цивилизационные напластования имеют тенденцию к отступлению, а человеческие сообщества — к перегруппировке экзистенциальных ресурсов. Удивительно, что в таких неблагоприятных обстоятельствах русская деревня в 1920-е гг. продемонстрировала потенциал для модернизации и выживания активных творческих сил. Только коллективизация окончательно сломала русское крестьянство как класс.

В нэповской деревне переплетались элементы как традиционного, так и современного общества. Большевики позиционировали себя как модернизаторы отсталой деревни. Помимо борьбы с безграмотностью, религией власть проводила образовательные программы, побуждала внедрять новые аграрные технологии. Но одной рукой поддерживая модернизацию и повышение эффективности сельского хозяйства, другой рукой она подрубала всякие стимулы улучшать хозяйство: душила налогами и подвергала политическому ostracism успешных хозяев. Многие крестьяне были дезориентированы такими противоречивыми посланиями власти. Проблема состояла в том, что селяне и правительство видели разные цели и пути повышения эффективности сельского хозяйства: первые — через рынок во имя благосостояния, вторые — через регулирование и коллективизацию во имя индустриализации и милитаризации. Крестьянский союз призван был защищать крестьянский путь. Эта дихотомия предопределила антиправительственную окраску КС. Стихийное стремление крестьян к организации, массовому политическому представительству в форме КС рассматривается мной как проявление элементов модерна в деревне.

Важной чертой общественной жизни 1920-х гг. был политический активизм миллионов крестьян как свидетельство их постепенного превращения из подданных в граждан. Среди других форм гражданской мобилизации — например, электоральной практики, эпистолярной активности и других — выделялось спонтанное движение за КС. Сопrotивляясь большевистской политике в деревне, крестьяне сформулировали и выдвинули специфические требования своего представительства в правительстве в форме КС для защиты политических и экономических интересов. Это движение не нашло воплощения в полномочном политическом институте, в значительной мере из-за репрессий власти. Однако история КС позволяет увидеть в советских крестьянах активных участников политического процесса и свидетельствует об их растущем классовом сознании. Эта история еще не была исследована, как она того заслуживает¹,

¹ Данилов В.П. Введение // Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД: 1918–1939. Док. и материалы: В 4 т. М.: РОССПЭН, 1998–2005. Т.2: 1923–1929. М., 2000. С. 18; Кукушкин Ю.С. Сельские советы и классовая борьба в деревне. 1921–1932. М., 1968;

и данная статья практически впервые представляет новый элемент социального ландшафта 1920-х гг.

Главными источниками исследования являлись документы о политических настроениях крестьянства: письма во власть и в газеты, а также частная корреспонденция, вскрытая ВЧК — ОГПУ. Полицейские и партийные сводки о политическом, экономическом и моральном состоянии страны и общества составляли третий компонент источниковой базы¹.

Крестьянский союз в 1905–1921 гг.

Три российские революции создали политические институты, представлявшие интересы крестьянства, быстро осваивавшего политическую грамоту: партии социалистов-революционеров, «трудовиков» и народных социалистов, Крестьянский союз, Всероссийские съезды крестьянских депутатов² и Учредительное собрание. Все они были уничтожены большевистской диктатурой. Движение крестьян за КС в государстве диктатуры пролетариата было последней попыткой создания своей политической организации.

Всероссийский Крестьянский союз возник стихийно весной 1905 г. как умеренная организация профсоюзного типа. Во время Первой русской революции он насчитывал более 200 тыс. членов в 111 волостях и 359 деревнях, провел два съезда. Его представители участвовали в Государственной думе. КС ставил своей задачей создание органа народовластия, проведение земельной реформы и борьбу за гражданские права крестьянства. Несмотря на репрессии, деятельность союза продолжалась до конца революции³. КС возродился в марте 1917 г. в Москве, его отделения возникли на Украине, в Сибири, Южной России. Наравне с советами

Brovkin V. Russia after Lenin: Politics, Culture and Society. London and New York: Routledge, 1998. P. 68–71; *Шагин Е.М.* Революция, власть и судьбы всекрестьянской организации в России // Власть и общественные организации в России в первой трети XX столетия. М., 1993; *Куреньшев А.А.* Всероссийский Крестьянский союз, 1905–1930 гг. Мифы и реальность М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Последняя работа фокусирует внимание в основном на Первой русской революции.

¹ См. характеристику этих источников: *Виноградов В.К.* Информационные материалы ОГПУ за 1923–1929 гг. // Советская деревня... Т. 2. С. 25–53; Письма во власть, 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в гос. структуры и большевистским вождям. М.: РОССПЭН, 1998; Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Док. и материалы / Отв. ред.-сост. Л. Виола, С.В. Журавлев и др. М.: РОССПЭН, 1998; Специальный выпуск Russian History / Histoire Russe, 24. 1–2, (1997); *Welikanowa O.* Berichte zur Stimmungslage. Zur den Quellen politischer Beobachtung der Bevölkerung in der Sowjetunion // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 47. 2. (1999) P. 227–243.

² *Лавров В.М.* «Крестьянский парламент» России. М.: Археографический центр, 1996.

³ *Seregny S. J.* A Different Type of Peasant Movement: The Peasant Unions in the Russian Revolution of 1905 // Slavic Review. 47.1 (1988): P. 53; *Куреньшев А.А., Шагин Е.М., Кирюхина Е.И.* Всероссийский Крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. 1955. № 50; *Вронский О.Г.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000.

организации КС являлись органами самоуправления. Однако по мере того, как летом 1917 г. общество радикализировалось и раскалывалось, объединяющая умеренная платформа союза перестала отвечать требованиям крестьянства. Уже к июню 1917 г. это движение начинает идти на спад. На протяжении 1917 г. КС был движением массовой мобилизации и школой политической образования, особенно во время выборов в земства и Учредительное собрание. В последних выборах КС набрал 61 % голосов в городе Кукарск Вятской губернии и 75 % голосов в его волости¹.

Во время Гражданской войны 1918–1920 гг. недовольство политикой большевиков снова привело многих крестьян к объединению в КС². В восстаниях 1918–1921 гг., как и в 1905 г., организации КС успешно сотрудничали с военными органами восставших в Тамбове, Воронеже, на Кубани, Волге и в Сибири. С подавлением восстаний в 1921 г. они прекратили свою деятельность.

Крестьянское сопротивление было важнейшей причиной отмены военного коммунизма и введения НЭПа. Однако половинчатые уступки не удовлетворяли ожиданий крестьян. Их иллюзии, первоначально вызванные НЭПом, скоро стали таять вследствие мероприятий правительства по контролю рынка и аграрно-промышленных цен. Большевицкая налоговая политика, лишавшая сельский труд всяких стимулов, озлобляла крестьян: «Как только поднимет кто хозяйство, <его> лишают право голоса, значить власть хочет, чтобы все жили в нищете...»³. В крестьянских частных письмах пики НЭПа, а также адресованных властям и в «Крестьянскую газету», первоначальная конструктивная критика начинает уступать всё возрастающе горьким и пессимистическим оценкам политики властей в деревне⁴. В частном письме в 1925 г. крестьянин писал: «Суровость со стороны власти к трудовому населению небывалая, штрафуют беспощадно... Дым пускают в глаза, говорят, что прямой налог сбавили, а окольным путем вдвое содрали. Вот и живи крестьянин». В с. Сухобузим, Сухобузимского района крестьяне, собравшись, толковали: «Мы, крестьяне, должны управлять государством, а не рабочие, мы содержим власть, мы платим налоги, мы кормим рабочих, а не они нас. Неправильно это, что какая-то кучка управляет нами. Почему это нас не допускают к власти, а управляют нами по-своему, как хотят, не так, как нам хочется?»⁵.

¹ *Retish A.* Russia's Peasants in Revolution and Civil War. Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922. Cambridge University Press, 2008. P. 85–87, 115.

² Советская деревня... Т. 2. С. 630; *Brovkin V.* Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. New Jersey: Princeton University Press, 1994. Ch. 10, 11.

³ От крестьянина Курской губернии (1928) // Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М.: РОССПЭН, 1998. С. 136.

⁴ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2001. С. 42.

⁵ Обзор корреспонденции (апрель 1925 г.) // Центральный государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга (далее: ЦГАИПД СПб.). Ф. 16. Оп. 6. Д. 6938. Л. 174; Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 297. Л. 12.

Рост крестьянской активности

Либерализация экономики и восстановление хозяйств питали рост политической активности крестьянства. Ф.Э. Держинский, глава ОГПУ и ВСНХ, признавал в мае 1924 г.: «Получившее в минувший период ряд жестоких уроков политической грамоты, крестьянство заметно поднялось в культурном отношении. Оно приобрело способность к ясному пониманию и учету своих интересов, сознательной постановке вытекающих отсюда задач и резкой критике экономических мероприятий Соввласти»¹.

Крестьянский активизм 1920-х гг. являлся продолжением уже давнего — с конца XIX в. — стремления этого класса к самостоятельности и поисков своего места в политическом пространстве². Осознание крестьянами своих интересов и роли в обществе особенно впечатляет на фоне параллельной дезинтеграции рабочих как политического класса в это десятилетие³. Пробуждение крестьян не было специфически российским феноменом, вся Европа наблюдала рост крестьянского самосознания как результат массовых мобилизаций Первой мировой войны. Это находило выражение в успехе крестьянских партий во многих аграрных странах и в попытках создания их международного форума: Международного аграрного бюро в Праге (Зеленый интернационал, 1917), Международной конфедерации при Лиге Наций (1924) и Крестьянского (Красного) интернационала, созданного как отделение Коминтерна в октябре 1923 г.⁴ Крестинтерн вплоть до его роспуска в 1939 г. был бумажной организацией, призванной заполнить нишу в политическом спектре международного крестьянского движения и раскалывать его. Напрасно наивные люди обращались к нему за помощью. 18-летний крестьянин Михаил Лашманов из деревни Маматовка Пензенской губернии в июле 1925 г. просил у И.В. Сталина выслать ему устав Крестинтерна: «Я хочу организовать крестьян нашего района. Но не знаю, как. <...> Как записаться в члены [Крестинтерна]?»⁵. Но ни Крестинтерн, ни Сталин не выказывали никакой заботы о нуждах крестьян.

Взросшие контакты с другими группами населения во время революций и войн, расширение идейных горизонтов крестьянства, экономическое оживление деревни во время НЭПа — всё это внесло свой вклад в рост крестьянского самосознания. Одновременно давление властей стимулировало большую классовую солидарность.

¹ Советская деревня... Т. 2. С. 205–206.

² Среди недавних исследований: *Грациози А.* Указ. соч.; *Лавров В.М.* Указ. соч.; *Seregny S. J.* 1) *A Different Type...*; 2) *Peasants and Politics: Peasant Unions During the 1905 Revolution // Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia, 1800–1921 / J. Burds, ed. New Jersey: Princeton University Press, 1991; Figes O., Kolonitskii B.* *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917.* New Haven: Yale University Press, 1999; *Brovkin V.* 1) *Behind the Front...*; 2) *Russia after Lenin...*; *Male D. J.* *Russian Peasant Organization before Collectivization. A study of Commune and Gathering. 1925–1930.* Cambridge University Press, 1971.

³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 65.

⁴ *Jackson G. D.* *Comintern and Peasants in East Europe. 1919–1930.* Columbia University Press, 1966. P. 51–77.

⁵ *Крестьянские истории / Под ред. С.С. Крюковой.* М: РОССПЭН, 2001. С. 70.

Стихийная политическая мобилизация крестьянства находила выражение, прежде всего, в попытках организации, но также в электоральном поведении, в активных обращениях в газеты и к правительству. Кроме того, крестьянство проявляло стремление добиться власти через представительство в уже существующих институтах — советах и единственной партии (большевицкой) — как на локальном, так и на национальном уровне.

Те исследователи, которые много работали с письмами «трудящихся» того времени, отмечают преобладание крестьянских писем в газеты и во власть над рабочими откликами¹. Практика активного обращения во власть посредством писем — к М.И. Калинину, И.В. Сталину, в «Крестьянскую газету» или в «Бедноту» — была заменителем реального народного участия во власти в ситуации отсутствия работающих демократических механизмов. Размах эпистолярного творчества — письма, жалобы, доносы — характеризовал новое качество потребности в коммуникации². Простой люд ощущал, что революция дала им право громко заявлять свои права³. Более того, само неумное стремление жителей деревни непременно донести свое мнение власти и обществу свидетельствовало о возникшем чувстве принадлежности к политическому миру, которое на самом деле является атрибутом идентичности модерна. Но большевики монополизировали политическое пространство и, выдвигая лозунг «Лицом к деревне!», на деле поворачивались к крестьянину спиной, отказывая ему в полном гражданстве и месте в политике.

Участие во власти

Главным двигателем всех форм крестьянской политической мобилизации в 1920-е гг. было горячее желание получить свою долю власти, самим распоряжаться своей судьбой. Преодолевая традиционный локализм, крестьяне требовали участия через Крестьянский союз в управлении на государственном уровне — в Совнарком, Съезде советов или ВЦИК: «Крестоюз должен посылать своих представителей в Совнарком». «Если бы при ВЦИКе наряду с Советом национальностей и Союзным советом, был бы Крестьянский союз, тогда бы дела разрешались в нашу пользу»⁴. На выборном собрании в Османском районе Орловской губернии была принята резолюция: «По зову В.И. Ленина и мы, крестьяне и крестьянки, должны принять участие в деле революции, а для того <...> мы должны все организовать в одно <...> надо через своих выборных организовать крестьянский комитет, как в деревнях, так и в уезде, и губернии, тогда мы <...> вступим в состав правительства, тогда только исчезнет угнетение и насилие над нижним классом. <...> Так как наше государство состоит из крестьян и рабочих,

¹ Грациози А. Указ. соч. С. 42; Неизвестная Россия. XX век. М., 1998. Т. 3. С. 201.

² «Крестьянская газета» в марте 1925 года получала более 1000 писем ежедневно, другие центральные газеты в Москве — около 2000; Крестьянские истории. С. 207, 221.

³ Hellbeck J. Speaking Out: Languages of Affirmation and Dissent in Stalinist Russia // Kritika. 2000. Vol. 1. N 1. P. 83.

⁴ Советская деревня... Т. 2. С. 17, 201 (1924), 493, 514–519, 548 (1927).

то и должно ими управляться через выборных, но не по назначению кого бы то ни было от партии или еще откуда...»¹.

Готовность к участию в правительстве приняла специфическую форму требования изменения названия правительства «рабочих и крестьян» на «крестьян и рабочих», а также перемены официального лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на «Рабочие и крестьяне всех стран, соединяйтесь!». Звучали также требования «переименовать партию, называть ее Российской партией рабочих и крестьян»². За «лингвистическими» требованиями стояло понимание приоритета интересов самой большой группы населения и, как следствие, — желание более весомого представительства этой группы в управлении страной, будь то большевистская партия, советы или Совнарком. Сам Сталин вынужден был прокомментировать на страницах журнала «Большевик» эти требования³. Он отвечал обычной для большевиков демагогией, которая не разрешила вопросов крестьян⁴. Из этой дискуссии видно, что за запросами о названии и природе правительства стояло острое недовольство крестьян их угнетенным положением, ущемленными правами и притязания изменить состав управляющих в пользу крестьян. Таким образом, крестьяне настаивали на своем включении в политику в абсолютно конструктивных терминах.

Антирабочие настроения

Групповая идентичность обычно формируется в процессе взаимодействия с другими группами. Осознание селянами своих особых интересов находило выражение во враждебном отношении к рабочим, по мнению крестьян, «обласканным властью». В середине 1920-х гг. напряженный социальный конфликт между городом и деревней особенно обострился из-за высокого уровня миграции (около одного миллиона в год) и безработицы в городе — по разным источникам от 1 млн 344 тыс. до 3 млн человек в 1927 г.⁵

Недовольство материальным и политическим неравенством было доминирующей темой в крестьянских настроениях, спровоцированных официальным лозунгом социального равенства и бесклассового общества. В частных разговорах, в письмах и жалобах крестьяне постоянно сравнивали условия жизни

¹ Письмо А.Н. Крутасова в «Ленинградскую правду», 1924. ЦГАИПД СП. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5335. Л. 87.

² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 324, Оп. 27. Д. 1211. Л. 139 (1927).

³ К вопросу о рабоче-крестьянском правительстве // Большевик. 1927. № 6. С. 96–102.

⁴ Письмо Подольского и Хохлова Сталину (июль 1927) // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 85. Д. 514. Л. 26, 22.

⁵ *Davies R.W., Harrison M., Wheatcroft S.* The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945. Cambridge University Press, 1994. P. 84; *Douglas R. W.* “Razmychka?” Urban Unemployment and Peasant In-migration as Sources of Social Conflict // *Fitzpatrick Sh., et al.* Russia in the Era of NEP. Explorations in Soviet Society and Culture. Indiana University Press, 1991. P. 145, 146.

в деревне с городскими. «Крестьянин голый и босый, еще и голодный, рабочие едят яйца, масло, мясо и кур <...> Воевали за компанию, а царство — рабочим, а крестьянину одна погибель. Все крестьяне знают, как один, что рабочий наш враг... <Будь> проклят отныне и довеку крестьянский враг — рабочий». «Деревня живет сопоставлениями и разговорами о том, что рабочий живет лучше крестьянина, больше получает и меньше работает, у рабочего есть соцстрах, школы, больницы, курорты, а власть крестьянину этого не дает. Крестьянин налоги платит, а рабочий не платит». «Почему рабочие на фабрике действительно получили все блага от революции — и радио, и телефоны, и водопроводы, и квартиры, сады, гулянья...»¹.

У крестьян были основания жаловаться. Средний годовой доход бедняка — 128 руб. в 1927 г. — составлял всего 35 % от среднего заработка рабочего². Один учитель приходился на 700 крестьян, а врач — на 17 тыс. Социальное страхование безработицы, болезни, бесплатное медицинское обслуживание хоть и введено было сразу после революции, но на практике плохо работало, социальные выплаты получали в основном только рабочие.

Требования равенства обосновывались численным превосходством крестьянства, но главное — его ролью в Гражданской войне и революции, где рабочие и крестьяне сражались бок о бок, несли те же потери, поэтому они наравне должны пользоваться результатами победы³. Ожидания некоего вознаграждения подогревались не только обнищанием. Эти ожидания являлись оборотной стороной чувства возросшей включенности в большую политику и понимания своего важного вклада в общее дело.

«Почему у крестьян нет союзов, неужели крестьянин меньше поддерживал революцию? Как в империалистическую, так и гражданскую войну, крестьянские сынки всё время участвовали в Красной армии, а сами крестьяне готовили для армии продовольствие, несмотря на всё тяжелое положение»⁴.

Советские крестьяне гордились своим вкладом в военную победу, а в мирное время уплата налогов давала им право видеть себя строителями социализма. Когда люди не получали взамен ни облегчения, ни политических и экономических прав, у них возникало чувство, что «социальный контракт» нарушен.

В апелляции к революции крестьяне артикулировали осознание своего места в истории, сопричастности большому миру, что является атрибутом современного сознания⁵. Апеллируя к государственному мифу революции, люди включали себя в господствующий дискурс, отстаивали свое право на гражданство. Некоторые листовки призывали крестьян отстранить рабочих и взять власть в свои руки: «Долой пролетарскую диктатуру. Да здравствует крестьянская власть»⁶.

¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 85. Д. 16. Л. 243, 1927; ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Л. 2–7; ф. 17. Оп. 85. Д. 21. Л. 140; Рязанская деревня в 1929–1930 гг. С.14–15.

² *Davies R. W.* et al. *The Economic Transformation*. P. 84.

³ Советская деревня... Т. 2. С. 514.

⁴ Письмо И.Л. Чибуткина в «Голос народа» // Там же. С. 130; Коллективное письмо. // Там же. С. 89; Письмо селькора Ф.В. Гаршина // ГАРФ, Ф. 396. Оп. 5. Д. 174. Л. 8 (1927).

⁵ *Hoffmann D.* *European Modernity and Soviet socialism* // *Russian Modernity*. P. 256.

⁶ Советская деревня... Т. 2. С. 15, 619.

Крестьянские организации на селе

Создание организации — это естественное выражение осознания той или иной группой своих специфических интересов. Чем больше большевики усиливали регулирование рынка и цен, тем более сплачивались крестьяне в желании иметь организацию, которая могла бы защищать и представлять их интересы. «Почему власть не разрешает нам организовать КС? Власть боится того, что если крестьянин организуется, то мы пошлем к черту коммунистов и разгоним их власть»¹. Ущемленные интересы толкали крестьян к самоорганизации. Выдвижение лозунга КС отражало общее разочарование в других потенциальных каналах для отстаивания своих требований.

Какое место занимал КС среди других локальных, традиционных и политических институтов в послереволюционной деревне? Помимо возродившейся общины, целый спектр сельских организаций был создан советским правительством — советы, кооперативы, комитеты крестьянской взаимопомощи и кредитные сообщества. Крестьяне осознанно пытались использовать уже существовавшие институты для достижения своей цели политического участия. Самыми важными среди них были советы. Как обобщало ОГПУ, в 1925—1927 гг. «захват низового советского и кооперативного аппарата антисоветскими элементами» был одним из главных антисоветских проявлений в деревне наряду с пораженческой и антисемитской агитацией, листовками, требованиями КС, террором и массовыми выступлениями.

Требование пропорционального представительства всех деревенских слоев и политического равенства с рабочими² представляло апелляцию к принципу универсализма прав, как основополагающего принципа любой демократии. И.В. Чебуткин из Ярославской губернии возмущался нарушением этого принципа в Конституции: «Невольно бросается в глаза статья 9, где жителю города дано больше преимущества, чем крестьянству, там сказано, что рабочие имеют представительство на съезд на 25 000 жителей одного представителя. А крестьянство от 125 000 жителей тоже одного; мне как крестьянину кажется странным это, и думается, что здесь есть сынки и пасынки. <...> Ему за все эти заслуги — да одна пятая часть избирательных прав. <...> Я вношу свою статью на суждение самих масс и прошу рассмотреть этот вопрос на очередном Всероссийском съезде советов. Пора, ведь уже на пороге 10 [годовщина] Октябрьской революции. Крестьянство вполне созрело и вполне может встать рука об руку в социалистическом строительстве»³. В 1925 г. среди делегатов XII Всероссийского и III Всесоюзного съездов советов крестьянство составляло 31,3 и 28,6 % соответственно⁴.

Крестьяне часто требовали изменений Конституции и свободных выборов с несколькими кандидатами⁵. Назначенцев из рабочих, партийцев и бедняков

¹ Письмо Ф. Морозова в «Голос народа» // Там же. С. 124 (1925); РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 95. Л. 3 (1927); Советская деревня... Т. 2. С. 511.

² Крестьянские истории. С. 209, 577, 578.

³ Голос народа // Советская деревня... Т. 2. С. 129—130; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Л. 2—7.

⁴ Кукушкин Ю.С. Указ. соч. С. 56

⁵ РГАСПИ. Ф. 17, Оп. 21. Д. 3075. Л. 20 (1929); Крестьянские истории. С. 208—209; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы.

они считали непригодными для управления деревней¹. Вместо них сообщества выдвигали своих кандидатов и использовали все возможные средства для их продвижения: формирование выборных блоков (1017 групп в 1926–1927 гг.²), бойкот и агитацию, коллективные обжалования результатов голосования в центральных комиссиях³. Кроме политических форм выборная борьба сопровождалась подкупом и подпаиванием избирателей, избиениями, угрозами, взятками, поджогами и убийствами⁴. Попытки крестьян использовать советы к своей выгоде не могли в массовой практике успешно соперничать со всей юридической и репрессивной силой правительства. К тому же значительную часть сельского населения реальные полномочия советов не могли удовлетворить, потому что они представляли не столько их интересы, сколько интересы государства в деревне⁵.

В отличие от советов реальной структурой власти являлась ВКП(б), и крестьяне пытались «просочиться» туда в обход жестких квот приема. Ф.Э. Дзержинский оценивал попытки массового вступления как свидетельство пробудившейся активности деревни и стремления середняцких слоев «через единственно легальную партию провести защиту своих политических и экономических интересов»⁶.

Целый ряд низовых крестьянских организаций — кооперативы, комитеты крестьянской взаимопомощи, кредитные сообщества⁷ формально представляли интересы бедноты, но на деле — эксплуататорские интересы государства, поэтому эффективность этих организаций оставалась низкой⁸. Агитация за КС резко возрастала во время выборов в советы, кооперативы и особенно в комитеты крестьянской взаимопомощи⁹.

Традиционная форма местного крестьянского самоуправления — община — по-прежнему существовала. Однако ее устаревшая и ограничивающая структура не соответствовала требованиям расширенного воспроизводства. Всё возрастающая сложность взаимодействия деревни с внешним миром требовала представительного института с более продвинутыми бюрократическими функциями.

Итак, многочисленные институты, которые претендовали на выражение интересов сельского населения, на практике были неэффективны. Попытки крестьянства создать независимые организационные и политические механизмы

1927–1939. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 1. С. 577.

¹ Крестьянские истории. С. 208–209; Обобщение требований крестьян, поступивших в «Крестьянскую газету» в феврале–марте 1925, РГАСПИ. Ф.17. Оп. 21. Д. 3075. Л. 20 (1929). В 1927 году коммунисты составляли 7,8 % и в 1928/29 — 9,3 % членов советов и соответственно 18,7 и 30,6 % среди председателей сельсоветов (*Кукушкин Ю.С.* Указ. соч. С. 60).

² *Климин И.И.* Российское крестьянство в годы новой экономической политики (1921–1927). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2006. Т. 2. С. 193.

³ Советская деревня... Т. 2. С. 528, 545–548, 863.

⁴ Там же. С. 494, 496, 503, 514, 533, 537, 542, 549 (1927).

⁵ *Male.* Op. Cit. P. 99.

⁶ Советская деревня... Т. 2. С. 201.

⁷ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 771, 774.

⁸ РГАСПИ. Ф.17. Оп. 32. Д. 146. Л. 2.

⁹ О крестсоюзе // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 16. Л. 249; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 120, 123, 134, 135.

защиты своих интересов указывают на расширяющийся плацдарм правового сознания в крестьянском мире: «Необходимо образовать особую крестьянскую партию, через которую бы крестьяне могли выражать свои мнения... И [если] невозможно организовать таковую, тогда ваша политика не на благо всего народа, а на благо отдельного класса. Тогда не надо обманывать народ. Вношу предложения: 1. Образовать крестьянскую партию. 2. Допустить полную свободу слова и свободу печати. 3. Легализовать партии. 4. Изменить пункт Конституции о выборах. 5. Отказаться от диктатуры — создавать действительно народную власть. Только тогда можно обеспечить единство, только тогда можно достигнуть безопасности политической (sic! — *О.В.*) внутри страны»¹.

Цели, участники, география КС-движения

Попытки создать локальные КС предпринимались с 1924 г.² Обычно это происходило на собраниях крестьян или на общинном сходе. Член партии на собрании села Окулино Ярославской губернии (1929) заявил: «Для того чтобы лучше устроить свою жизнь, нам необходимо организовать свой союз. Рабочий организован, он живет лучше, надо и нам сорганизоваться, чтобы жить так же, как и рабочие <...> чтобы мужик... не чувствовал бы такой тяжести со стороны советской власти, которую он ощущает сейчас»³.

Идея Крестьянского союза была довольно расплывчатой — в ней присутствовали как политические, так и экономические требования. Главной функцией КС должно было быть представительство крестьянских интересов в центральных и местных органах или — крестьянско-рабочее правительство⁴. Таким образом, создание сети ячеек служило только первым шагом, главной целью являлось признание правомочности КС наверху. Выступления за КС можно разделить на 4 категории: за регулирование цен (350 требований в марте 1927 г.), профсоюзные функции (165), политическая организация (105), снижение налогов (90)⁵. О целях КС позволяет судить приведенная ниже диаграмма.

Диаграмма составлена на основе четырех независимых архивных источников⁶. Экономические цели — 56 % всех требований — охватывали урегулирование сельскохозяйственных и промышленных цен, изменение налоговой политики, свободы выхода на внешний рынок. Политические цели (15 %) сводились к требованиям независимой крестьянской партии, уравнивания в избирательных

¹ Письмо красноармейца Лесникова, пересланное В.М. Молотову из «Крестьянской газеты» (1926) // РГАСПИ. Ф.17. Оп. 85. Д. 281. Л. 56.

² Там же. Оп. 84. Д. 916. Л. 2–7.

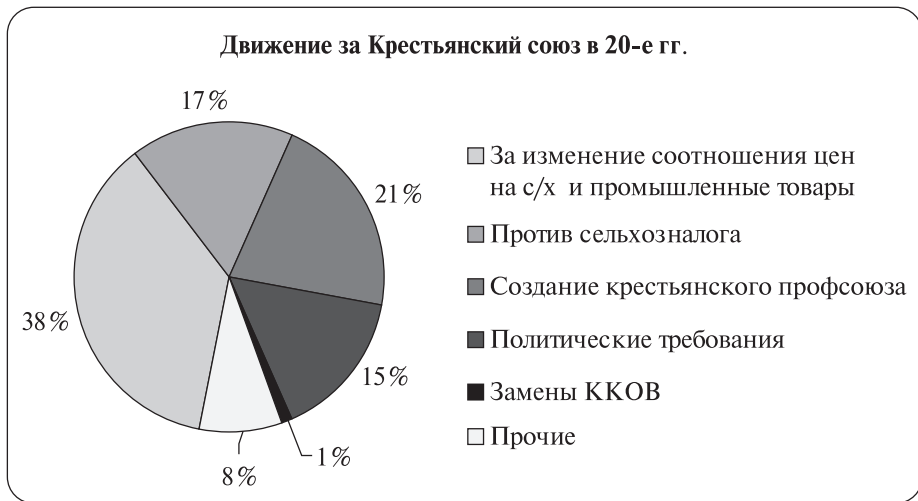
³ Хрестоматия по Отечественной истории, 1914–1945. М.: Владос, 1996. С. 373–374.

⁴ Советская деревня... Т. 2. С. 787.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 99. Л. 17.

⁶ Сводка ЦК о настроениях (1927) // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 27. Д. 1211. Л. 137; Обзор ЦК ВКП(б) за май–декабрь 1926 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 71. Л. 13; Обзор ОГПУ за май–декабрь 1926 // Там же. Д. 16. Л. 253; ТСД, 72, 75, 121, 125. Эти данные можно сравнить с подсчетами ОГПУ в: Советская деревня... Т. 2. С. 1028–1029.

Диаграмма



и других правах, представительства в правительстве. Требование крестьянского профсоюза (21 %) было другим популярным лозунгом.

Характер требований зависел от географического положения. Центральные губернии с развитой промышленностью и избытком аграрного населения чаще настаивали на модели крестьянского профсоюза с целью облегчения доступа к найму в промышленности и соцстрахованию. До 50 % этих требований возникли в Центре и на Северо-Западе, районах со старой традицией отхожих промыслов. Однако возможность дополнительных заработков резко упала после революции из-за безработицы в городах при условии контроля найма профсоюзами. В Центре и на Северо-Западе середняки и бедняки активно участвовали в движении. В производящих губерниях с более зажиточным населением цели КС чаще включали регулирование индустриально-сельскохозяйственных цен, налогов и выхода на внешний рынок. На Украине, Северном Кавказе и в Сибири эти требования выдвигали до 60 % крестьян¹.

В крестоюзном движении участвовали все слои населения деревни при поддержке рабочих и даже некоторых членов партии и комсомола: «Коммунисты поддакивают заявлениям о неравенстве, сочувственно относятся к мысли об организации партии или какой-то другой организации для защиты интересов крестьянства»². Это видно из таблицы состава участников выступлений за Крестьянский союз в СССР за 1926 и 1927 гг. (табл. 1, в %) ³, а также из других подсчетов⁴.

¹ Советская деревня... Т. 2. С. 632.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 916. Л. 2–7, 1925, Обзор ОГПУ; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 122.

³ Советская деревня... Т. 2. С. 1027, 787, 633.

⁴ Сводка ОГПУ за март 1927 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 32. Д. 99. Л. 17; Сводка Информационного отдела ЦК ВКП(б). Там же. Оп. 85. Д. 16. Л. 251.

Таблица 1

Социальное положение	1926	1927
Крестьяне всего	72,2	82
Из них: кулаки	39,1	36,3
середняки	51,2	52,5
бедняки	9,7	11,2
Остальные всего	27,8	18
Из них: работники низового советского аппарата и кооперации	2,9	1,3
Сельская интеллигенция	4,2	2,7
Кустари и ремесленники	1,4	1,5
Рабочие	1	0,6
Прочие и невыясненные	18,3	11,9
Общественно-полит. положение		
Члены ВКП(б) и ВЛКСМ	0,9	0,8
Бывшие члены ВКП(б) и ВЛКСМ	1,5	0,9
Работники обществ. организаций, селькоры и сов. актив деревни	5,1	3,6
Лица с антисоветским прошлым	11,3	1,2

Документы доказывают, что требование КС было всеобщим, с преобладанием успешных и более активных крестьян, середняков, но и бедняки тоже выступали за. Несмотря на обычное официальное определение КС как кулацкой инициативы, эта группа представляла только треть всех агитировавших за КС. Интересно, что идея КС находила поддержку не только в деревне: в 1927 г. 18 % требований заявили представители других групп и классов и почти 28 % — в 1926 г. Требование КС было не только всекрестьянским, но и всенародным. Более того, многие члены партии, советов и комсомола выступали за союз¹.

Движение за КС охватывало весь СССР, включая Дальний Восток (табл. 2)². Как следует из отчета Информационного отдела ЦК от 3 апреля 1929 г., «нет ни одного района, где бы требование не выдвигалось»³. Самыми активными были Центр и Украина.

Таким образом, движение за независимую крестьянскую организацию было всеобщим: оно охватывало все слои аграрного населения, часть городского, все географические районы.

По разным оценкам между 1924 и 1927 гг. было зарегистрировано от 3000 до 4670 публичных выступлений за КС. 2207 человек агитировали за КС в 1926 и 2844 — в 1927 г.⁴

Мы знаем о нескольких попытках координировать крестьянские организации. На территории СССР из общего числа 1992 «кулацких группировок»,

¹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 122.

² Советская деревня... Т. 2. С. 631.

³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 575.

⁴ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 768; Советская деревня... Т. 2. С. 631, 633; РГАСПИ. Ф.17. Оп. 32. Д. 99. Л. 4.

Таблица 2

Районы	1924	1925	1926	1927	Всего с 01.01.1924 по 01.01.1928
Центральный	34	210	578	857	1679
Северо-Запад	4	25	99	97	225
Запад	29	65	90	117	301
Украина	1	50	338	478	867
Крым	2	4	22	65	93
Северный Кавказ	9	93	279	274	655
Поволжье	39	43	123	125	330
Урал	6	8	20	48	82
Сибирь	7	29	97	151	284
Дальний Восток	8	16	30	100	154
Всего	139	543	1676	2312	4670

зарегистрированных ОГПУ в 1926–1927 гг., 28 групп систематически агитировали за КС¹. В 1923–1924 гг. несколько крестьянских союзов со значительным членством функционировали в Крыму, Волынской и Одесской областях. *Украинское крестьянское объединение* создали студенты на Кубани с целью организации ячеек национальной крестьянской партии в деревнях. В 1925–1927 гг. *Украинская мужицкая партия* в Харькове выработала свою программу, располагала большим рабочим аппаратом из шести комиссий и «биржей труда». Эта в основном интеллигентская националистическая партия имела прочные связи с деревней и привлекала рабочих. В 1926–1927 гг. на Украине в территориальном полку 30-й дивизии в г. Запорожье был организован *Отряд освобождения крестьян*. Через демобилизованных кресноармейцев отряд установил широкие связи в деревнях, издавал листовки и ставил целью восстание в Запорожье и Днепропетровском округе. Осенью 1925 г. в Мелекесском уезде Самарской губернии возникла *Группа крестьян-социалистов*. Ее устав ставил целью: «1. Потребовать от ВКП(б) прекращения гнусной политики расслоения деревни; 2. Существующую сельхозкооперацию обратить в профессиональные организации крестьян, с правами городских профсоюзов». Группа направила резолюцию в ЦК ВКП(б) с предложением обсудить ее на XV партсъезде. Все эти группы были ликвидированы ОГПУ².

Талды-Курганский КС

Архивы сохранили документы, дающие представление об активно функционировавшем в течение 1924–1926 гг. Союзе хлеборобов в селе Гавриловка (город Талды-Курган) Джетысуйской губернии в Казахстане³. После нескольких попы-

¹ Советская деревня... Т. 2. С. 1030.

² Советская деревня... Т. 2. С. 634–635. Информация ОГПУ частично находит подтверждение в других источниках.

³ Докладная записка В.М. Молотову о Союзе хлеборобов от 9 февраля 1927 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 170. Л. 120–130.

ток русские казаки организовали КС в июле 1924 г. под видом земобщества (общины). Первоначально деятельность союза концентрировалась вокруг вопроса о землеустройстве, но постепенно он распространил свою активность на более широкие и даже политические вопросы: обсуждалась организация работы школы, учебные программы, сборы пожертвований на советскую авиацию, вопросы международной политики. На собрания земобщества приглашались представители уездного исполкома и уездного партийного комитета с докладами, например, в августе 1924 г.

Союз противился попыткам местного совета и партийных органов придать селу Гавриловке статус города Талды-Курган, что было невыгодно для жителей. В противовес местным властям союз обратился сначала во ВЦИК, а потом в Казахстанский ЦИК с просьбой оставить Гавриловке статус села. Усилия союза увенчались успехом в марте 1926 г. Это решение вызвало острый конфликт между союзом и городским советом. Протоколы показывают, что союз не противостоял принципам и ценностям советского государства. Например, он призывал учителей школы учить детей «в духе коммунизма». Другой раз союз постановил, что все сознательные крестьяне должны войти в Общество друзей авиации. Обсуждались также вопросы общенациональной компетенции. Так, союз подсчитал потери крестьян в Гражданскую войну и постановил требовать компенсации от иностранной и русской буржуазии, виновной в разрушении крестьянских хозяйств. Таким образом, крестьяне считали свой союз органом, представляющим их интересы не только на местном, но и на национальном уровне.

Когда такая независимая и сильная организация соперничала с парторганизацией и советом, это раздражало местные власти. В конце 1926 г. Талды-Курганский крестьянский союз был закрыт по постановлению бюро уездного комитета партии.

Репрессии против КС

Продолжительная деятельность союза в Талды-Кургане была исключением, обычно организации существовали недолго и ликвидировались ОГПУ почти сразу после образования. Из-за репрессий КС часто функционировали под видом легальных институтов: кружков взаимопомощи, сельскохозяйственных кружков или аграрных обществ, многие из которых насчитывали большое число участников и собирали членские взносы¹, предлагали беспроцентные займы беднякам².

Любые попытки создать центральный координирующий орган КС сразу пресекались ОГПУ. Среди таких попыток был Юго-Восточный комитет крестьянских союзов со связями по Кубани и Ставропольскому округу в 1925 г.; Украинское крестьянское объединение и Украинская мужицкая партия в Харькове, уничтоженные ОГПУ соответственно в 1926 и 1927 гг.; Союз самозащиты крестьянства в Московской области (1927–1928 гг.). В мае 1927 г.

¹ Там же. Оп. 84. Д. 916. Л. 2–7; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 575; Советская деревня... Т. 2. С. 635.

² Советская деревня... Т. 2. С. 788.

репрессивные органы уничтожили в Москве инициативную группу по созданию Всероссийского КС во главе с Л.И. Батай и Н.А. Малиновским. Как и другие организации, группа выработала программу и устав, опросные листы для изучения настроений деревни и опиралась на деревенскую кооперацию как основу союзной сети¹.

Центральные органы были, конечно, более уязвимы для атак ОГПУ, чем их низовые ячейки, поэтому все попытки создать и координировать сеть местных организаций быстро удушались. В то время как сведения о крестьянском движении снизу содержатся в источниках разнообразного происхождения (в партийных материалах, в письмах и жалобах), сведения о центральных органах сосредоточены в нескольких справках ОГПУ, составленных для информации правительства. Последние требуют осторожного отношения, поскольку известна практика фабрикации репрессивными органами вымышленных дел для упредительного уничтожения потенциальных врагов или в корпоративных интересах. Однако попытки создания руководящих органов соответствовали логике движения в целом и краткой традиции существования КС в 1905–1921 гг.

Наряду с арестами и постоянным надзором вербовка участников также находилась в арсенале ОГПУ для разложения изнутри, подавления и манипулирования крестьянскими самостоятельными организациями². Наравне с более общими факторами, которые объясняют поражение движения, такими как разница локальных и групповых потребностей населения, трудности коммуникации, традиционная организационная слабость, отсутствие лидеров и т. д., все-таки репрессии являлись главной причиной поражения КС.

Позиция Ленина и Сталина

Мы располагаем важным свидетельством о реакции и позиции партийного руководства в отношении КС. Этот вопрос по крайней мере дважды обсуждался на самом высшем уровне в 1921 г. В мае–июне заместитель комиссара по земледелию В.В. Осинский (В. Оболенский) обратился в ЦК с запиской, поднимавшей вопрос о политической организации крестьянства как части советской системы. Ленин предложил продумать «несколько мер более осторожных, подготовляющих к этому», однако идея была отвергнута большинством ЦК. Во время обсуждения М.И. Калинин, имевший в народе репутацию покровителя крестьянства, заявил, что такая организация неизбежно объединит кулаков и их приспешников и что это «противоречит интересам коммунизма». Другой участник дискуссии, Е. Ярославский, опасался, что КС как классовая организация будет соперничать с Коммунистической партией³. В декабре 1921 г. Пленум ЦК снова обсуждал вопрос и снова отверг идею политической организации крестьянства. О логике руководителей свидетельствует заявление Сталина на Пленуме ЦК в июле 1928 г.:

¹ Там же. С. 634, 789–791, 798, 800–802.

² Советская деревня... Т. 2. С. 542, 635–636.

³ Кукушкин Ю.С. Указ. соч. С. 53; Советская деревня... Т. 2. С. 18. Я глубоко благодарна покойному Виктору Петровичу Данилову за отсылку к этой информации.

«Крестьяне, поощряемые кулаками... могут потребовать от нас свободу организации „крестьянского союза“ <...> Но тогда нам пришлось бы объявить свободу политических партий и заложить основы для буржуазной демократии»¹. Такое развитие событий было совершенно неприемлемо для компартии и противоречило практике диктатуры пролетариата.

Чтобы предотвратить распространение идеи КС, партийные чиновники старались подавить всякую информацию о движении в публичной сфере. Закрытые партийные письма Северо-Кавказского и Запорожского краевых партийных комитетов местным организациям, озаглавленные «О крестьянском союзе. Список возражений»², а также специальные пленумы ВКП(б) Саратовской, Ставропольской и Воронежской областей инструктировали низовой аппарат, какие аргументы использовать в борьбе против требований КС и как противостоять им через «активизацию советов, кооперативов, кредитных ассоциаций, улучшение снабжения местных магазинов товарами, а также усилением репрессий против зачинщиков»³. В целом репрессии и замалчивание были политикой партии по подавлению движения за создание КС.

Выводы

Итак, крестсоюзное движение, возникнув в Первую русскую революцию, стихийно развивается в 1920-е гг. и затухает только окончательно задавленное государственным террором при коллективизации. Однако отдельные крестьяне возвращались к идее союза при обсуждении Конституции в 1936 г. Такая настойчивость доказывает, что движение за КС было органичным выражением растущего осознания крестьянами своих специфических интересов. Модернизационные процессы в обществе, социалистическая риторика, возможности и иллюзии НЭПа — всё это провоцировало поиски идентичности и возникновение гражданского сознания в классе, которому власть отказывала в способности к самоорганизации. Российское крестьянство обладало значительным потенциалом трансформации в современных граждан, если бы условия позволили.

В 1920-е гг. под давлением дискриминации и эксплуатации крестьянства, в условиях, когда диктаторский режим блокировал все попытки интеграции КС в советскую систему, движение радикализуется и становится центром противостояния власти. Скудость свидетельств о практическом функционировании КС не умаляет значения этого движения. Интенции в поле культурной истории также правомочны, как и статистика в поле экономической или политической истории. Аргументы и практики — обращения, собрания, самоорганизация на местном уровне — отражали крестьянские культурные модели вставания в современное общество и процесс новой самоидентификации.

История крестьянского союзного движения в 1920-е гг., рассмотренная в более широком контексте поведенческих практик (выборное поведение,

¹ Советская деревня... Т. 2. С. 19.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 71. Л. 5.

³ Там же. Д. 16. Л. 257–258.

эпистолярное воодушевление), обеспечивает новыми свидетельствами набирающий силу в последние десятилетия тренд в историографии, расшатывающий общепринятое восприятие крестьянства как класса политически пассивного и имеющего сравнительно низкое классовое сознание. Так же как и в 1905 г., когда крестьянство продемонстрировало способности активно и гибко взаимодействовать с внешним миром, политически организовать в класс, демонстрируя отзывчивость вместо замкнутости¹, в 1920-е гг. этот класс подтвердил свою готовность отвечать на вызовы модерна в политических терминах. Крестьянство не было уже пассивным объектом манипулирования, но самостоятельно выражало свои интересы посредством политических действий. Эта самостоятельность чуть позже проявилась в сопротивлении коллективизации. Несомненно, что движение, воспринимаемое правительством как угроза, повлияло и на его решение начать коллективизацию.

¹ *Seregny S. Peasants and Politics...* P.342–343.